

В. Б. Ли

Характерник

*Книга первая.
Юность*

В. Б. Ли

**Характерник. Книга
первая. Юность**

«Издательские решения»

Ли В. Б.

Характерник. Книга первая. Юность / В. Б. Ли —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836177-7

Попаданец в юного воспитанника запорожского мага-характерника.
Становление будущего атамана и чудотворца. Первые подвиги
и успехи. Первая любовь.

ISBN 978-5-44-836177-7

© Ли В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Вместо вступления	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Характерник Книга первая. Юность В. Б. Ли

© В. Б. Ли, 2017

ISBN 978-5-4483-6177-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо вступления

«КОУОРА». Воины-маги Запорожской сечи.

Характерник – это казак, обладающий паранормальными способностями: телепатией, ясновидением, гипнотическим воздействием. Существует немало легенд о том, что эти люди обладали к тому же способностями к путешествиям по потустороннему миру. Часто характерники были атаманами. Возможно, боевые успехи и сила украинского казачества связаны именно с тем, что зачастую командовали ими практически непобедимые воины. Казаков-магов называли также «галдовниками» (от украинского «галдовать» – «колдовать») и «заморочниками», потому что они умели напускать на людей «морок» (туман и сон, галлюцинации)...

По преданию, казаков-характерников готовили с младенческого возраста. По-видимому, опытные воины-маги могли с пеленок различать юное дарование. Мальчик на долгие годы становился «декурой» (служкой) такого мага, передававшего ему знания, которые, в свою очередь, сам когда-то получил от учителя.

Характерникам приписывались самые разные умения. По легендам, они могли разгонять облака и вызывать грозу, выходить сухими из воды и мокрыми из пламени, в мгновение ока переноситься из одного края степи в другой. А еще им по силам было заговаривать раны и даже ставить на ноги мертвецов. И уж, само собой, они умели «отводить глаза».

Считалось также, что характерники способны обращаться в волков. В дохристианские времена бога-громовержца Перуна представляли в сопровождении двух волков, или хортов, как их называли. Именно о превращении в хорта говорится в легендах про атамана Сирко, одного из самых известных воинов-магов. Недаром слово «сірга» (укр.) – один из эпитетов волка.

Пролог

Жаркая летняя ночь, над городом все еще стоит духота. Сквозь смог просвечивают яркие точки звезд, серп луны едва виден за облаками. Второй час, улицы пустынные, иду пешком через полгорода. Мне все ни почем, готов взлететь от радости, первое свидание с самой красивой девушкой на нашем курсе. Я заметил Наташу на вступительных экзаменах в наш политехнический институт, с тех пор весь год тайно мечтал о ее улыбке, ласковых словах, прикосновении к ее нежным рукам. Но боялся даже подойти к ней, всегда окруженной подругами и многочисленными поклонниками. А сегодня она как-то особо посмотрела на меня, улыбнулась, о чем-то спросила, а я даже не расслышал, слова доносились едва слышно, только улыбался ей в ответ. А потом в каком-то отчаянии решился и попросил встретиться со мной сегодня вечером. И не поверил своим ушам, когда услышал слова согласия.

Мы много гуляли, посидели на лавочке в парке Горького, о чем-то говорили, я по какому-то наитию обнял и поцеловал Наташу, она ответила, все потом происходило как во сне... Теперь, проводив ее к дому на проспекте Достык, возвращаюсь в свое общежитие почти в другом конце города. Ноги несут меня сами, я в мыслях все еще с любимой, вспоминаю каждое ее слова, милые жесты, теплые губы. И не сразу услышал, как в одном из дворов раздался вскрик, а после девичий голос о помощи. Когда мое внимание перешло с грез в реальный мир и прислушался, то ничего странного не заметил, решил, что показалось. Но тут вновь раздался приглушенный крик, я, не раздумывая, бросился в темный двор на помощь. Приглядываюсь, едва различаю контуры двоих насильников, раздевающих девушку. Подбегаю, сходу бью боковым ударом в голову одному из них, тот оставляет жертву, разворачивается ко мне, добавляю прямым в челюсть, и тут резкая боль охватывает бок, в голове замутило, я потерял сознание.

Глава 1

Прихожу в себя опять от боли, по всему телу – голове, груди, рукам-ногам, хотя помню только в боку, по-видимому, ударили ножом. Правда, боль тупая, не такая резкая, как-будто меня хорошо помяли или попинали. Минуту лежу, прислушиваясь к себе, затем медленно открываю глаза. Надо мной низкий, побеленный известью потолок, стены тоже, слева два маленьких окна. Комната небольшая, в одном углу русская печь с полатями, в другом висят иконы, обрамленные белыми полотенцами. Сам я лежу на лавке возле печи, подо мною соломенный матрас, накрыт какой-то дерюгой, никаких простыней и прочего постельного белья. Стягиваю дерюгу, пытаюсь встать, вспыхивает острая боль, опять откидываюсь. Да, крепко меня побил, лучше полежать и меньше двигаться, пока не станет лучше. Подождал и когда боль стихла, продолжил осторожно осматриваться, стараясь не беспокоить свое побитое неизвестным образом тело.

Сразу привлекла внимание одежда на мне, вместо футболки и светлых брюк какая-то рубашка из грубой белой ткани и синие шаровары, такие я видел по телевизору на украинских парубках, лихо отплясывающих гопак. Следующее, что я вначале подсознательно ощутил, а затем увидел – тело не совсем мое, или вернее, совсем не мое. Руки, от пальцев до бицепсов, ноги, не удержался, несмотря на вновь возникшую боль, приподнял подол рубашки, опустил шаровары и исподнее – все чужое, незнакомое. Широкая кость, мозолистые ладони, налитые мышцы по всему телу, хотя я тоже не такой слабак, серьезно занимаюсь боксом, первый разряд, но все же не до такой степени накачан. От охватившего меня лихорадочного волнения и непонимания случившегося в голове снова закружилось, я ушел в забытье.

В очередной раз пришел в себя от звука мужских голосов. Приоткрываю глаза, поворачиваю голову в их сторону, вижу сидящих за столом у окна двоих примечательного вида пожилых мужчин, как будто из исторического фильма о запорожских казаках – обритые головы, на макушке длинный хохол-оселедец, заведенный за левое ухо, длинные усы, одетых, как и я, в белую сорочку и шаровары, на ногах мягкие сапоги. У одного из них на левом боку висит сабля, два пистоля за шелковым поясом, второй, постарше, без оружия. Говорят меж собой неторопливо, на непривычном мне, но все же понятном, языке, похожем на украинский. По-видимому, заметили мой взгляд, оба повернулись ко мне. Тот, что постарше, встал, подошел ко мне, внимательно посмотрел, а потом спросил: Ну, що ж, Иван, як почувваєшся? Як же ти тик необережно, впав з коня?

Виновато улыбнулся, а после отвечаю, невольно подстраиваясь под его говор: Непогано, дядько. Сам не знаю, що з мною сталося.

Тут второй собеседник заторопился, стал прощаться, а мне сказал, уходя: Видужуй, Иван, набирайся сил, нам скоро в похід.

Отвечаю ему вслед: Дякую, обов'язково спробую.

Оставшийся казак еще раз внимательно посмотрел мне в глаза, а затем уверенно высказался: Ти не Иван. Хто ти?

Я растерялся, как от слов хозяина дома, это уже мне стало понятно, так и собственного незнания, кто же я, в этом теле? Потом решил поведать о себе проницательному старику все, как есть, с последней ночи, оставшейся в памяти. Рассказ занял несколько минут, казак слушал меня внимательно, не перебивая, несмотря на некоторую сумбурность, с которой я вспоминал происшедшие события. После, когда я высказался, стал задавать вопросы обо мне, как зовут, чем занимался, кто родители, какими умениями и знаниями обладаю, об увлечениях и интересах, о моем времени. Рассказывал я привычным языком, не ломая голову суржи́ком, а слова старика сами стали восприниматься также на русском, а не казацким говором.

После нашей долгой беседы хозяин, Данила Степанович Войков, сказал мне: Слушай меня внимательно, хлопец, ты теперь не Сергей Абрамов, а Иван Свирьков, родом из Капуловки. Отец твой, добрый казак, Лукьян Кондратьевич, мать Аксинья Тимофеевна, кроме тебя, у них еще трое детей. Я забрал тебя у семьи еще в малом возрасте на воспитание в будущего характерника, есть способности. Как быть с тобой дальше, посмотрим, может и у тебя они есть, вижу задатки. Слушайся меня не переча, я вместо отца родного, что велю, немедля исполняй. Все понял, Иван?

Я ответил согласием, в моем положении иное и невозможно, а после, по разрешению Данилы Степановича, стал задавать свои вопросы, о нынешнем времени, месте, в котором оказался, о случившемся со мной, вернее, с Иваном, несчастье, приведшем его в столь болезненное состояние, о характерниках – кто они, что за способности. Наставник отвечал терпеливо на эти и другие вопросы, так и рвущиеся из меня. Сейчас 1670 год от Рождества Христова или 6978 год от сотворения мира, как принято считать в это время, сегодня 5 мая. Я нахожусь в Запорожской Сечи, на укрепленном острове Чертомлык, самый главный здесь – кошевой атаман, его слово закон для всех казаков. Им недавно избран Иван Дмитриевич Сирко, уже не первый год, пользуется среди казаков Сечи несомненным уважением и влиянием. Тоже характерник, как и мой наставник, только у Данилы Степановича более мирный удел, не водит казаков в походы, а занимается лекарством, хозяйственными делами, судит споры и провинности.

О характерниках и их способностях учитель привел предания, а что выдумка или правда, оставил на будущее, когда приступим к занятиям. О моем предшественнике в этом теле, Иване, рассказал немного. Ему 16 лет, старательно учился все годы у наставника, теперь мне придется наверстывать пройденное им. Беда случилась вчера в степи, когда Иван и другие юные казаки устроили скачки и молодецкие игры с оружием. В самый разгар состязаний он внезапно выпал кулем с коня, без какой-либо видимой причины. Слава богу, лошади его не зашибли, но и без того досталось изрядно, помяло всего. Вот так, без чувств, привезли товарищи Ивана к учителю, он всю ночь отхаживал, жизнь едва теплилась в юноше. Теперь знахарь думает, что душа Ивана все же покинула тело, а взамен появился я, моя душа. Сам я не чувствую каких-либо мыслей или воспоминаний своего предместника, только свои. И не могу хоть как-то объяснить себе, как и почему моя душа вселилась в другого в столь отдаленном прошлом, характерник тоже в недоумении.

Очевидно одно, в прежнем мире я погиб, не пережил последний свой бой с злодеями. Но сожаления о своем поступке нет, если довелось бы вновь пройти через него, то поступил так же, у меня нет сомнения. Как воспитал меня отец, офицер, бывший афганец, так я и шел по своей, пусть и короткой жизни, не давая ни себя, ни окружающих в обиду, защищал слабых от всяких подлецов и мразей. Вспомнил родных – маму, отца, младшую сестренку, – и Наташу, тоска острой болью, сильнее, чем от полученных ран, пронзила мою душу, я их никогда не увижу, а моя смерть принесла им горе. От мучительного сознания, что ничего не поправишь, я невольно застонал, а после перестал чувствовать свое новое тело, отказало дыхание, не мог вздохнуть, казалось, даже сердце остановилось.

Сквозь шум в ушах едва слышу обеспокоенный голос лекаря, что-то он делал с моим непослушным телом, спустя долгие часы или мгновения я ожил, услышал суматошное биение сердца, задышал, наконец отчетливо различил слова характерника: Иван, держись, не уходи, нельзя тебе помирать!

Через минуту, когда я бессильно, весь покрывшийся потом, лежал, приходя в себя, знахарь поднес к моим губам чашку с каким-то темным напитком и приказал: Пей, – я с трудом сделал глоток, другой, третий, после учитель сказал мне: Спи, – что-то стал шептать и я уснул.

Проснулся уже вечером, смеркалось, на столе чадила плошка с каким-то жиром. Знахарь возился у печи, громыхая чугунами и ухватом, от представления ужина у меня засосало под ложечкой, почувствовал сильный голод. Болей, как телесных, так и душевных, не было, только грусть по ушедшей жизни. Похоже, что я пережил кризис, который мог закончиться печально, если не вмешательство характерника. Попробовал присесть на лавке, не сразу, с некоторым усилием, но удалось. Поискал обувь, увидел рядом мягкие сапожки, как у учителя, стал обувать их. На шум обернулся хозяин, увидел, что я сижу, спросил: Ты куда, Иван, собрался?

– Во двор, дядька Данила, мне надо в туалет, – ответил я, а потом поправился, – в нужник.

– Какой ты скорый, едва душу богу не отдал, а уже идти куда-то наострился, – выговорил мне наставник, а после скомандовал: А ну ка, пройдишь по комнате, посмотрим, насколько ты выздоровел.

Медленно встал, постоял немного, есть слабость, но голова не кружится, сделал шаг, другой, а потом уже уверенней прошелся по комнате, вернулся к лавке и присел, устал, слаб еще. Данила Степанович посмотрел на меня, а потом высказался: Рано тебе на двор, наберешься сил, тогда и пойдешь.

Сходил в сени, принес оттуда глиняный горшок и скомандовал Давай сюда...

После, когда я умылся из тазика, вытерся полотенцем, велел сесть за стол, а сам стал доставать из печи чугуны, разлил из одного уха по мискам, нарезал на крупные ломти каравай, дал мне ложку, а потом приказал: Повторяй за мной, – и медленно, слово за словом, начал молиться:

– Отче наш, сущий на небесах!...

Я послушно повторял за учителем, а после вслед за ним перекрестился по-православному, поклонился в святой угол, и мы приступили к ужину. Старался сдерживать себя, но вскоре опорожнил немалую миску, наставник молча взял половник, налил мне до краев, а потом произнес: Ешь, уха наваристая, тебе на пользу.

После мы съели пшеничную кашу с оладьями, запили узваром из фруктов и ягод, завершили ужин благодарственной молитвой:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш...

После ужина Данила Степанович высказал: Сейчас будем укладываться спать, а завтра видно будет, чем заняться с тобой.

Через несколько минут, сходя во двор, он затушил плошку, а затем, кряхтя, полез на печь, на полати и затих, только слышно было тихое его сопение. Сам я после недавнего сна лежал и вспоминал свою прежнюю жизнь, родных, друзей, любимую, слезы сами наворачивались на глазах, а потом незаметно уснул. Проснулся рано утром, только стало светать, встал, потихонечку оделся, стараясь не разбудить учителя, вышел из дома во двор. Он небольшой, через несколько шагов от дома уже забор-плетень, дальше соседский двор. Оглядел дом характерника, тоже не выдающийся размером, где-то 6 на 8 метров, с глинобитными стенами, камышовой крышей. Фундамента нет, небольшим крыльцом, его называют присенником, обращен к улице, окнами смотрит на задний двор, около стен выложена невысокая насыпь-завалинка. Под навесом обустроена летняя кухня с небольшой печью и обеденным столом, посередине двора колодец-журавель, вдоль забора какие-то постройки, небольшой огород.

Все в ухоженном виде, вокруг чисто, заметно, что хозяин следит за порядком. Не спеша прошелся по двору, нашел нужник, затем умылся из бадьи у колодца, стал понемножку разминаться. Такой слабости, как вчера, нет, усталости не чувствую, тренированный организм требует движений, пусть и не в полную силу. Насколько я сумел разглядеть себя, мой предшественник передал мне в наследство довольно крепкое и крупное, не ниже, чем мое преж-

нее, тело без какого-либо жира, перевитое сухими мышцами и жилами. Начинаю разминку с медленного бега на месте, затем по двору, чувствую себя превосходно. Проверил реакцию и скорость движений «боем с тенью», есть небольшое запаздывание, мышцы закрепощены, недостаточно эластичны. Заметно, что Иван больше занимался атлетическими упражнениями в ущерб гибкости связок. Краешком глаза замечаю учителя, стоящего на крыльце, подбегаю к нему, желаю доброго утра.

Ну, что ж, Иван, выглядишь ты молодцом, – довольно высказался наставник, – идешь на поправку. Тогда займемся, будем из тебя делать казака. Сейчас возьму пальцаты и пойдем ка за базу, нечего людей смешить ими, не чадо малое.

Через минуту он вернулся с двумя обструганными в форме сабли деревянными палками и куском толстой кожи, как объяснил наставник, для защиты руки от ударов, я за ним прошел в дальний угол двора. Здесь, на утрямбованной площадке, учитель преподавал мне первый урок фехтования – положения рук, ног, хвата «сабли», начальные, самые простые движения ими. После, оставив меня дальше отрабатывать показанные приемы, ушел готовить завтрак. Я добрый час, раз за разом, повторял урок, уже дрожали руки и ноги от усталости, когда старый казак позвал меня в дом.

После завтрака «познакомился» со своим конем – четырехлетним гнедым по имени Яшка. Конь совсем молодой, только что прошел начальную выучку, иногда еще может показать свой горячий нор. Иван год назад сам выбрал его из табуна трехлеток, день и ночь возился с ним, приучая к себе и работе в строю. Именно сейчас, в этом году оба новичка – и всадник и жеребец, собирались в свой первый боевой поход. Теперь мне надо найти подход к коню, подружиться с ним, в бою верный скакун может спасти жизнь казаку. Сам я с лошадьми особо не занимался, в детстве пару раз прокатился на старом мерине, немного помогал в уходе за ним, когда с родителями гостил на Кубани у деда по матери. Только знаю, что конь чует страх человека, надо с ним обращаться спокойно и уверенно, не суетиться.

Перед входом в конюшню останавливаюсь, несколько раз делаю глубокие вдохи-выдохи, все, я готов. Вхожу с наставником в полутемное помещение с единственным небольшим окошком, чую запах сена и конского пота, вижу в денниках трех лошадей, двух гнедых и одну саврасую. Подхожу к своему коню, он встрепенулся, потянулся ко мне, даю ему на открытой ладони заранее приготовленную морковку, приговаривая: Кушай, Яшка, кушай.

Под присмотром старого казака надел поводья, оседлал, вывел коня из денника во двор, он спокойно шел за мной. Прошел с ним пару кругов, а затем неторопливо, рассчитывая каждое движение, взобрался на жеребца. Тот, наверное, почувствовал что-то странное в поведении всадника, не устоял на месте, стал перебирать ногами. Я потянул поводья на себя, крепче прижал колени к бокам лошади, успокаивая, а потом шагом проехался по двору. После завел его обратно в конюшню, расседлал, почистил скребком и расчесал гриву, дал свежего сена и воды. Не скажу, что у меня сразу получилось почувствовать коня, но во взаимной симпатии сомнения нет, мне Яшка сразу пришелся по нраву.

После мы с учителем занялись лекарским делом, он показывал и называл самые разные травы и корешки, рассказывал от каких болезней они помогают, где и когда их собирать, как сушить и хранить, готовить настои и отвары. Заставлял меня повторять рассказанное по каждой травке, прежде, чем перейти к другой. И так почти до самого обеда, перед ним снова занимался с тренировочной саблей. В послеобеденное время наставник учил особым наукам – вхождению в состояние транса, видению живой энергии, приемам управления своим телом, воздействию на его энергетические центры – чакры. На первом уроке он продемонстрировал на мне эти умения, вызывая определенные реакции моего организма, а после дал задание, тренировать начальные навыки.

Я до самого вечера пытался настроить себя вхождению в транс, видению каких-то энергетических линий, но безуспешно, у меня никак не получалось. Уже отчаялся достичь

желаемого и только из упрямства продолжал свои опыты, когда произошел внезапный прорыв. В отрешенном состоянии, даже думать о чем-то устал, перед моими закрытыми глазами вдруг появилась маленькая светлая точка, стала разгораться, от него потянулись лучики во все стороны. От неожиданности я вздрогнул, настрой сбился и вся картинка исчезла. Мои повторные попытки не удались, больше в этот вечер я ее не увидел.

Когда рассказал о ней учителю, он удивился, а потом обрадовался, заявил, что у меня есть нужные характернику способности, причем сильные, коль мне в первый же день удалось увидеть такую ясную картину энергетического видения. У многих начинающих знахарей подобная способность приходит в лучшем случае через дни упорных занятий, а то и месяцы, даже годы, а картина вначале бледная, едва заметная. У самого наставника она случилась через неделю, увидел тоненькую линию, до ядра с лучами шел долгие годы, правда, все это произошло в далеком отрочестве. Со мной освоение особых способностей должно пройти гораздо раньше, только надо серьезно учиться. Я поспешил заверить учителя, что буду очень стараться, по всем его наукам.

На следующее утро наставник проверил мой первый урок с саблей, поправил немного, похвалил, для начинающего неплохо. Показал новые приемы, как атакующие, так защитные, посмотрел как их я выполняю, а потом принялся отрабатывать в тренировочной схватке. Раз за разом попадал под его удары, пусть и легкие, но все же чувствительные, особенно по рукам и ногам, сам же я ни разу даже не коснулся учителя в своих атаках. После часа моего избиения сделали перерыв на завтрак, затем я продолжил занятия с новыми приемами, а Данила Степанович ушел по сечевским делам. Вернулся он к обеду, к тому времени я, закончив тренировку, повозился с конем, убрался дома и во дворе, приготовил на печи в летней кухне борщ и жаркое из оставленных учителем продуктов. Дома и в общезитии мне нередко приходилось готовить обеды и ужины, так что сложностей со стряпней у меня не было, если не считать небольшие мучения с печью.

Обед старому казаку понравился, это было понятно без слов, когда он вначале осторожно распробовал мое творение, а потом за обе щеки уплетал приготовленные блюда. Позже он, сидя на завалинке и довольно потягивая трубкой – «люлькой», заявил: Иван, быть тебе в походах кашеваром! Добре готовишь, смачно. И не отказывайся, нужное дело, а тебе почет от казаков, кушать они любят.

А потом призадумался, спустя недолгое время продолжил: Только надо придумать, откуда у тебя те таланты, коих Иван отроду не имел, да и язык твой, слова мудреные, какие никто и не слыхивал. То, что ты многое казацкое не знаешь, понятно, и не такое бывает после тяжких ран, особенно на голову, назовут тебя Беспамятным и все примут как есть. Но вот иную твою природу потерей памяти не объяснишь, казаки глазастые, сразу поймут, что ты чужой. Придется мне перемолвиться с кошевым, чтобы не было тебе худа от подозрений в злом умысле. А переселение душ Ивану Дмитриевичу ведомо, да он сам может убедиться, посмотрев на тебя. Медлить не будем, завтра с утра и пойдем к нему.

До вечера учитель занимался со мной травами, в завершении устроил небольшой экзамен по ним. Затем перешел на лечение болезней и ран, показал, как их обрабатывать, поведал о целебных мазях, которые сам он и варит. Ужин готовил я, можно сказать, по умолчанию, даже и не обсуждалось. Блюда на вечернюю трапезу рыбные, так повелось у казаков, живущих на реке. Кроме двойной ухи пожарил стейки из семги, подал в сметанном соусе, жаль только, нет тех приправ, которыми я привык пользоваться дома. Но и без них получилось неплохо, на мой вкус, а учитель кушал с прекрасным аппетитом, только нахваливал и славил бога за чудного повара. После ужина я, лежа в постели, пытался войти в транс и увидеть свой огонек, так в трудах и заснул, не дождавшись нужного видения.

Глава 2

На следующее утро, после привычной уже тренировки на саблях и завтрака, вышли с Данилой Степановичем на улицу и направились к кошевому атаману. Это мой первый выход «на люди», за эти два дня, как встал на ноги, со двора не выходил. С гостями, приходящим к наставнику, почти не общался, только в два-три слова, стараясь не выдать свое незнание как их самих, так и каких-то простых вещей, известных каждому. Сейчас идем по центральной улице между хатами и куренями – казачьими казармами, выходим на центральную площадь с церковью Покрова Пресвятой Богородицы и Сечевой канцелярией, здесь размещается кошевой атаман с писарями, казной. Встречные казаки почтительно снимают шапку перед старым характерником, сам он кивает головой, иной раз останавливается, переговаривает с ними. Мне же приходится почти ежеминутно снимать свою папаху перед бывалыми войками, я, как самый младший, джура, должен оказать им уважение.

Подшли наконец к канцелярии, она размещается в добротном деревянном доме, одном из немногих, большинство строений здесь глинобитные, саманные или турлучные. На лавочке возле крыльца сидят два седоусых казака, Данила Степанович направился к ним, поздоровался, присел рядом. Я встал немного в сторонке, приготовился к долгому ожиданию, пока старики наговорятся. Но уже вскоре вышел канцелярский чин, пригласил собеседников наставника, они незамедлительно встали и последовали в дом. Я сел на их место, учитель посмотрел на меня, усмехнулся и произнес успокаивающе: Не бойся, Иван, кошевой не обидит. Говори как есть, ничего не скрывай, а он сам решит, как с тобой быть.

Не скажу, что волнуюсь сильно, но все же чувствую не по себе, ситуация действительно странная, попал в древность с неизвестными, предполагаю, суровыми нравами. Хотя пока ничего плохого от окружающих не встречал, а наставник отнесся с пониманием к моему состоянию, душевной теплотой, можно сказать, как к близкому, особой строгости ко мне не проявлял. У него своей семьи нет и, в отличие от других казаков, немалую часть года проводящих в селах и хуторах в семейном кругу, почти все время в Сечи, где женщинам не место, их здесь нет. У характерников есть поверье, что связь с ними отнимает магическую энергию и воинскую силу, редко кто заводит семью. Таким исключением можно считать самого кошевого, у него в слободе Артемивци (поблизости Мерефи) жена и четверо детей, когда не в походах, живет с ними. Сейчас, накануне нового похода, он здесь с двумя сыновьями, об этом мне рассказал учитель.

Пока мы сидели на лавке в ожидании приема старый характерник поведал и о предстоящем походе на чайках по Днепру в Черное море против османов. Из Днепровского лимана направимся к вражеским поселениям и городам на побережье – Очакову, Килии, Аккермен, Констанцу, Варне. Поход намечается немалый, около 6000 казаков на сотне судах, их уже готовят на острове Войсковая Скрабнцца. Препятствий и опасностей в морском походе хватает, от османских крепостей на выходе из Днепра, караульных галер и эскадр в лимане, взятие укрепленных городов тоже непростое занятие, нередко казаки отступают ни с чем, да и шторм в море забирает свою жертву. На обратном пути османский флот перекрывает все проходы в Днепр, приходится прорываться хитростью или боем, неся неизбежные потери, или идти окольными путями, вокруг Крыма в Азовское море, а оттуда по Дону.

В захваченных штурмом городах казаки занимаются грабежом, берут самое ценное – испанские реалы, турецкие цехины, серебро и золото, парчу, ковры, хлопчатобумажные и хлопковые ткани. Оставшееся добро сжигают, пленных не берут, убивают их на месте, наводят ужас на прибрежные поселения. После возвращения в родные края казаки пьют и гуляют с товарищами до следующего похода, правда, не теряя достоинства, пьяниц здесь не уважают. У меня из рассказа старого характерника складывается мнение о полной ана-

логии запорожского казачества пиратскому братству где-нибудь в Карибском море, живут за счет грабежей Причерноморья. Такой образ существования совсем не привлекает меня, авантюры и жестокость не в моем складе характера. Я готов к трудностям и опасностям, но грабить и убивать мирных людей, защищающих свой дом, не могу.

Прямо, без обиняков, высказываю свои мысли наставнику, он задумался, вздохнул, а потом ответил: Да, Иван, ты не казак, не по нутру тебе вольная жизнь. Есть среди нас и мирные казаки, не входящие в боевое товарищество, посполство, но они больше женатые, с семьями. Молодые же должны послужить своему обществу в походах и ратным трудом, так что тебе придется смириться и принять такой долг, стать изгоем последнее дело. Можно только подумать, как тебя не занимать грабежом, обсудим с Иваном Дмитриевичем. Согласен, Иван?

Поспешно киваю головой и добавляю: Согласен, дядько Данила, от воинского долга я не бегу, исполню честно.

Этого мало, Иван, – продолжил наставник, – в походе товарищи должны быть уверены в тебе, что ты прикроешь им спину, и не только в бою. Твой атаман, куренной или походный, – также, что ты споро исполнишь приказ, любой. А ты будешь думать и решать, поддерживать ли товарища или нет, правильный ли приказ, не против ли твоей чести. Представь, тебе дан приказ рубить всех, и малых и старых, а ты – не буду! За непослушание в походе разговор короткий – смерть, и чего ты добьешься своей совестью? Воинское братство и дисциплина превыше всякой морали, ты должен понять эту простую истину, иначе тебе с казаками не жить.

Молчу, ответить мне нечем, учитель наглядно, куда уж более, показал, что меня ожидает с моими принципами и понятиями чести. Понимаю, в нынешнее время жестокость и бессердечие пропитало все общество, не только казачество, коварство и измена своему слову обычное явление. Тот же Сирко регулярно клянется в верности московскому царю, тут же водится с королем Речи Посполитой, даже с османским султаном или крымским ханом, строит всякие интриги против всех, воюет с одними, заключает временные союзы с другими, а потом все наоборот. А уж в его отношениях с гетманами Право- и Левобережной Украины черт ногу сломит, сегодня поддерживает одного, завтра другого, а послезавтра против обоих, в Слобожанщине, ведет собственную политику. Так что мне придется что-то менять даже из-за того, чтобы выжить, но сохраняя нравственный стержень. Что именно, надо хорошо продумать в ближайшие три недели, до начала похода.

Тем временем подошло наше время заходить к кошевому, из канцелярии на крыльцо вышли прежние казаки, что-то оживленно обсуждая. Данила Степанович накоротке поговорил с ними, а после по приглашению писаря вошел в избу, позвав меня за собой. Прошли через сени, общую комнату с канцелярскими служками, у входа в кабинет атамана на несколько секунд задержались, учитель деликатно покашлял, а затем открыл дверь. Зайдя в комнату, наставник снял шапку, перекрестился перед образами, а затем повернулся к ставшему из-за стола и идущему навстречу атаману: Здрав будь, Иван Дмитриевич!

Сирко, высокий, крепкого сложения, но не полный, еще не совсем старей, выглядит моложе моего наставника, ответил: Слава богу!, – тут же сам пожелал здоровья и обнял характерника. После приветствий наставник представил меня: Вот, Иван Дмитриевич, мой ученик Иван, сын Лукьяна Свирькова из Капуловки, шестнадцати годков.

Кошевой с интересом посмотрел на меня, после моего приветствия ответил: Как же, знаю отца, вместе не раз ходили на татар, добрый казак. И юнака признаю, видел когда-то с тобой, Данила Степанович, только дюже вырос, настоящий джура.

Вырос то он вырос, да вот беда на днях с ним случилась, ни с того ни с сего упал с коня и разбился, – плавно перешел к делу наставник.

Чувствую, толковище долгое, давайте присядем за стол, – пригласил нас атаман, а потом, когда мы расселись, продолжил: Говори, Данила Степанович, что за беда?

Душа юнца ушла из тела, призвал ее господь, а взамен вселил другую душу, тоже юнака, но из другого времени. Посмотри сам на него, Иван Дмитриевич, видишь?

Кошевой минуту всматривался в мои глаза, я не дышал, боялся даже моргнуть и помешать ему. Наконец он проговорил: Вижу. А ну ка, добрый молодец, Расскажи о себе, кто ты, откуда, как попал в переплет. И не части, спешить некуда.

Волнуюсь, но стараюсь рассказывать обстоятельно, с деталями, которые считаю нужными. По сути я повторил прежнюю историю, уже рассказанную характернику, только подробнее, оба казака слушали меня внимательно, не перебивая. Понемногу я успокоился, воспоминания сами ложились в связную речь, когда закончил, еще минуту стояла тишина. А потом Сирко принялся за дотошный расспрос, его интересовало, чем я занимался с детства, какие отношения были с родителями и сестренкой, с товарищами и однокурсниками, девушками, даже спросил, имел ли я любовные связи, на что я, краснея, ответил, что нет, только поцелуи и объятия. Много спрашивал о моем времени, какие люди, дома и дороги, корабли, об оружии, армиях и сражениях.

Затем с особым интересом выпрашивал, что мне известно о нынешнем времени, я только рассказал известное из учебников истории и прочитанных книг о Петре Первом, войне России с поляками, шведами, османами, о гетмане Мазепе. Здесь оба казака насторожились, стали расспрашивать подробности о нем, оказывается, Мазепа среди казаков уже известная личность, подвизается ротмистром гетманской надворной гвардии при Правобережном гетмане Дорошенко. О самом Сирко я помнил немного, что он самый именитый из кошевых атаманов, чаще других избирался казаками, совершил много походов и сражений, откуда всегда благополучно возвращался. Но даже такие скудные сведения подбодрили моих слушателей, успешные атаманы особо ценились казаками, а вера в удачу в рискованных походах с такими предводителями доходила до фатализма.

После моего рассказа Данила Степанович оповестил кошевого о моих особых способностях в психоэнергетике, о том, что я в первый же день занятия в трансе увидел энергетическое ядро с лучами. Такая новость в какой-то мере поразила атамана, он стал переспрашивать, как это произошло, что я увидел в первый момент, последующую картину. Потом объявил, что такой дар надо беречь и всемерно растить, а меня учить всем премудростям характерника, на что мой наставник ответил полным согласием. Да и память такими упражнениями улучшится, смогу вспомнить больше о предстоящих в этом времени событиях. Правда, он тут же объяснил Сирко о моих моральных проблемах к занятиям казаков грабжами, но атаман особо ими не озаботился, со временем свыкнусь.

Тогда старый характерник попросил взять в первый мой поход его, проследить за мной, иначе забубенные казаки могут обидеть, даже дойти до смертоубийства чужого по духу попутчика, каким я сейчас и являюсь. На что атаман даже замахал руками, куда тебе, старому, поход тебе не по силам, а питомца твоего сберегу, будет при мне помощником, да и лекарям поможет. На этом и порешили, наставник в оставшееся время усиленно займется моей учебой лекарству и работе с энергией, а в походе нужным умениям научит кошевой, буду у него под присмотром, заодно не даст в обиду даже самым бесшабашным и непутевым, окажет им окорот. Надеются, что обузой в походе я не стану, принесу пользу товариществу. Тут оба казака посмотрели на меня, вспомнили, что объект их рассуждений сидит рядом.

За все время, пока старшие решали мою судьбу, сидел тихо, как мышь под веником, слушал каждое слово. Понимаю, что старики хотят мне лучшего, Сирко я нужен как сильный в перспективе характерник, да еще со знанием скорого будущего, а Данила Степанович душой переживает за меня, испытывает что-то наподобие отцовских чувств. Теперь, когда они ждут от меня согласия и заверения своего старания, иду им навстречу, с готов-

ностью выражаю свою признательность их заботой: Иван Дмитриевича, дядько Данила, как вы скажете, так и сделаю! Я вас не подведу, буду стараться всему научиться и помочь товарищам в лечении, ратном деле или еще в чем, на что хватит моих способностей. А с казаками обращусь со всем почтением, невежи от меня не будет. Если же склока какая случится или вражда с кем-нибудь, то непременно извещу Ивана Дмитриевича, дальше предприниму по его совету.

Кажется, угодил им своим ответом, довольно улыбнулись, сам же отчасти кривлю душой. Если уж какая тяжба будет у меня, то постараюсь сам справиться с проблемой, прятаться за спину атамана считаю зазорным. Но все равно, признателен им за заботу, благодарность моя искренна, особенно к наставнику. К нему у меня складывается привязанность, в этом мире нет никого ближе, я тоже одинок, ни семьи, ни друзей. Тем временем старый характерник встал из-за стола, стал прощаться с атаманом, я вслед за ним, вышли из канцелярии и отправились домой. Нашу неказистую мазанку я уже считаю своим приютом в чужом мире, невольно тянусь сюда сердцем, думаю, и в походе буду вспоминать о нем и старом наставнике. На обратном пути учитель примерно очертил план наших занятий, из-за малого времени весьма насыщенный. Придется учиться с самого утра до вечера, с небольшими перерывами на готовку и принятие пищи.

Теперь каждое утро, после разминки и завтрака, мы с учителем проходим лекарское дело, после приготовления настоев и отваров из трав и корней перешли к мазям, среди них и собственные Данилы Степановича, затем к лечению различных болезней и травм. Вместе с учителем принимаю больных, провожу диагностирование и процедуры, обрабатываю ранки, накладываю повязки, лубки, зашиваю порезы. Больных немного, народ крепкий, в основном ушибы и небольшие резанные раны, была пара серьезных травм, с переломами и отбитыми органами, вроде моего случая. Я видел, как характерник применил свои особые способности, закрывал раны, останавливал кровь, лечил внутренние повреждения. Он объяснял свои действия, но повторить их я еще не могу, недостаточно знаний и навыков работы с энергетическим полем.

После обеда все наши занятия именно с энергетикой, я уже свободно, без особого напряжения вхожу в нужное состояние, вижу свое поле, а недавно увидел и у других, замечаю его изъяны у больных и раненых, вижу, как наставник растворяет темные сгустки повреждений, восстанавливает здоровую структуру. Пока мои попытки воздействовать на поле безрезультатны, но учитель успокаивает, все придет с практикой, надо больше тренировать и развивать свой дар. Мои появившиеся способности уже приятно удивляют характерника, но они ожидаемы, надо идти дальше, чем я усиленно занимаюсь. Настойчивые труды обязательно приведут к успеху, я тоже смогу лечить своими особыми способностями. Только наставник предупредил, что если у меня получится в походе, то самому, без опытного учителя, лучше не применять новое умение, неосторожное вмешательство может навредить больному.

О других путях применения магических способностей характерник пока не заводит речь, хотя как-то упомянул, что их возможности поразительны для несведущего человека, от влияния на волю других до воздействий на предметы и окружающую среду, можно поднять ветер или остановить дождь. Но об этом мне еще рано думать, я делаю только первые шаги мага-характерника, впереди долгий путь, требующий многих трудов и знаний. По словам Данилы Степановича, с моим даром я смогу достичь требуемого уровня за 5—10 лет, тогда как у большинства характерников уходит не один десяток лет, но после надо еще доводить свое мастерство до совершенства, которому нет предела.

Не стал объяснять своему наставнику, что мой успех в освоении новых способностей обусловлен не столько даром, а системным подходом. Я, выросший в среде информационных технологий и логических решений, не стал идти по предложенному характерником пути

механического усвоения знаний и слепого их повторения до закрепления навыков. Вычленил для себя конечную цель каждого этапа, проанализировал возможные способы по ее достижению, оптимизировал комплексное их применение, а потом уже принимался за отработку по продуманной методике, внося коррективы по ходу усвоения. Такой подход дал свои плоды уже после первых занятий, я четко видел результаты своих экспериментов, тупиковые и прорывные пути, целенаправленно шел к разрешению поставленной задачи, а не наобум. Думаю, смогу уложиться до конечной цели в гораздо меньший срок, чем мне предвещал наставник, с существенно большей эффективностью.

В конце мая сборы к походу подошли к завершению, к Чертомлыкскому острову подогнали флот чаек, началась их загрузка воинским снаряжением, провиантом, боеприпасами. Я с интересом смотрел на знаменитые суда запорожских казаков, представляющих по сути большую лодку длиной от 15 до 18 метров, шириной 3—4 метра. По центру закреплена складная мачта с квадратным парусом, по бортам в уключинах размещены весла, посчитал – от 10 до 15 на каждой стороне. Палубы нет, борта невысокие, над водой чуть больше метра, интересно, как чайки выдерживают штормы, когда волны накрывают судно. Похоже, держатся на плаву за счет связок сухого камыша, привязанных к бортам. Вижу на носу и корме пушки небольшого калибра, их называют фальконетами, от 4 до 6 на каждой чайке. Как и говорил наставник, в казацком флоте сотня чаек, экипаж из самих казаков, их на судне 50—70 человек.

Накануне отплытия, когда я уже забеспокоился, не забыл ли обо мне Сирко, от него прискакал нарочный, юный казак не старше меня, велел собираться и прибыть с пожитками и оружием поутру на судно атамана. На вопрос, как я узнаю его, посыльный разъяснил, что атаманская чайка приметная, больше других, да и на мачте войсковая хоругвь. Получив указ, я тут же принялся за сборы, вместе с наставником уложил в вещевой мешок запасную одежду – шаровары, рубаху, исподник, нож, кресало с трутом, ложку, кружку, баклажку с водой, продукты на первое время. В отдельном мешке сложили лекарское снаряжение и снадобья – травы, мази, настойки, перевязочные и хирургические средства.

Затем занялись оружием, подобрали саблю и самопал – фитильное ружье с запасом пуль в кожаном мешочке и пороха в пороховницах-зарядцах. Ружьем я еще не пользовался, нам было не до огнестрельных упражнений, вот только сейчас учитель дал урок, начиная от заряжания до чистки оружия, конечно, без реальной стрельбы. Повторил за ним, получилось безошибочно только с третьего раза, как еще умудряются нынешние стрелцы не перепутать в горячке боя! Хотя в обычном бою стреляют только раз, уступая первую линию позади стоящим. С саблей тоже позанимались, учитель показал и объяснил основные правила как пользования, так и хранения оружия, ухода за ним.

Встали рано утром, едва рассветало, провел разминку, затем с наставником аккуратно устроили учебный бой с боевыми саблями, после завтрака стал собираться под присмотром старого казака. Поверх рубашки надел кафтан, опоясался кушаком, нацепил на него саблю в ножнах, через левое плечо повесил перевязь с зарядцами, скатку из кобеньки – суконного плаща с капюшоном, на другое плечо ружье, надел шапку, гоголем прошелся по комнате. Наставник усмехнулся, потом одобрительно высказался: Хорош, хорош, настоящий казак! Вот так и держись, вид должен быть геройский, лихой, казака никакими страхами не напугаешь. Ну что ж, поедем к причалу, пора.

Учитель сам вывел из конюшни коней, вместе оседлали, нагрузили на моего гнедого оба вещевых мешка и неторопливой рысью направились к пристани на другой от нашего дома стороне крепости. Уже издали видна сумятица у приставших к причалу кораблей, идет посадка казаков. Загруженные суда отходили, а на их места вставали другие, так и чередовались. Характерник сразу заметил чайку атамана у дальнего причала, показал мне ее и повернул коня, я за ним. Верно сказал нарочный, судно отличается от рядом стоящих,

намного крупнее, а на макушке мачты висит квадратный вымпел. Когда подъехали ближе, увидел на нем изображение казака с самопалом, своеобразным гербом запорожцев, на печати у кошевого тоже такой рисунок.

У сходней, перекинутых с причала на борт судна, караулили два дюжих казака, при виде характерника приветствовавших его оружием. Поздоровались с ними, наставник спросил атамана, в ответ услышали, его еще нет, можно обратиться к сотнику, старшему на борту. На согласие позвали командира, к нам вышел дородный казак с саблей и пистолями за кушаком. После приветствий учитель представил меня, я вытянулся во фронт, не снимая шапки, бодрым голосом чеканю: Здравия желаю, пан сотник!

Сотник ответил: Слава богу, джура Свирьков, – оглядел меня, похвалил: Молодцом, бравый казак!

Ответил, как полагается: Служу Отечеству, Вере Православной и казачеству.

Ну что ж, джура, можешь подняться на чайку, – высказался сотник, – придет атаман, решим, куда поставить тебя.

Душевно попрощался с наставником, он обнял меня, перекрестил с благословением, после с вещевыми мешками поднялся на борт. Судно уже заполнено, почти все места на лавочках заняты. Поздоровался со всеми, а потом спросил: Куда можно присесть, паны казаки?

Один из казаков помоложе с плутоватым лицом тут же отвечивал: А, юнак, только взошел и уже место приискиваешь. Постой-ка у мачты, как старшие рассядутся, тогда и посмотрим. А то, может, так и простоишь, будешь на посылках.

Казак постарше, лет за сорок, сидевший на одном из передних сидений, одернул балагура: Не замай, Митрий, джуру, сам ли давно из новиков. Иди сюда, малой, мешки клади в этот ларь.

Он показал на продолговатый ящик под ногами с плотно пригнутой крышкой. Поблагодарил гостеприимного казака, с усилием приподнял крышку, положил в глубокий ларь свои мешки, аккуратно закрыл, затем присел на сиденье возле пододвинувшегося соседа. Тот спросил: Как зовут тебя, кто отец твой?

Слово за словом, разговорились с бывалым казаком, он велел называть себя дядькой Максимом. Рассказал известное мне о родителях, но тут же оговорил, что с малых лет на воспитании у характерника Войкова. Казак знает его, когда-то мой наставник также ходил в походы, не хуже других воевал с татарами и османами, изрядно лечил своих боевых товарищей, дядько Максима тоже после серьезного ранения. Стал расспрашивать, чему я научился у старого знахаря, ответил, что не так много, что-то забылось из-за травмы, сейчас снова наверстываю. В беседе прошел незаметно час, прибыл кошевой, но я не стал обращаться к нему, ему сейчас недосуг, надо будет, вызовет. Пока у меня налаживается неплохой контакт с одним из ветеранов, можно многое полезное узнать от него.

Глава 3

Так за нашими разговорами и воспоминаниями казака о былых походах подошло время отплытия, по сигналу вымпелом с нашего корабля все суда стали отходить от причалов, вытягиваться в линию. К ним приставали корабли, ранее вышедшие в залив острова, впереди всех атаманская чайка. Шли на веслах, за каждым по два казака, я тоже греб на пару с дядькой Максимом. Он задавал ход гребка, я же вначале подстраивался под его движения, а потом освоился, мы стали работать в унисон. Общий ритм гребцам отбивал на литавре барабанщик, сидящий на носу лицом к нам, на корме расположился рулевой со своим веслом, бабайкой. Интересная особенность чайки, нос и корма у нее одинаковые, если надо плыть назад, то просто гребли в другую сторону, не разворачивая корабль, рулевые весла и спереди и сзади корабля.

Когда вышли на стремнину реки, сотник дал команду шабаш, убрать весла и поднять парус, ветер попутный. Несколько казаков споро взялись за фалы – канаты, подняли и закрепили парус. Он тут же надулся и быстро потянул нашу ладью вниз по течению, берега на глазах стали уходить назад. Вынули весло из уключины, положили вдоль борта, можно теперь отдохнуть. Не скажу, что устал, гребли всего ничего, минут двадцать. Как буду чувствовать после многочасовой гребли, даже представить страшно, а для казаков дело привычное, могут пройти десятки, даже сотни километров на веслах, если ветер встречный или безветрие, причем с немалой скоростью, по моим подсчетам примерно километров 15 в час. Выносливости и физической силе казаков могут позавидовать многие атлеты поздних времен. Они как на подбор, один крепче другого, я рядом как малый птенец.

Обедали здесь же, на своем месте, припасенным из дому продуктами, запили прохладным узваром. На ужин будем приставать к берегу с ночевой, объяснил мне дядько Максим, будет горячее, кулеш или уха. На мой вопрос, а как на море, тоже будем сходить на берег ночью, ветеран ответил: Тут как получится, если оторвемся от османов, да на пустынном берегу, то возможно. Но чаще приходится дневать и ночевать в море, чтобы потом внезапно для неприятеля напасть на его крепости и поселения.

Рассказал он и о боях с вражескими галерами и парусными кораблями, казаки стараются избегать прямого боя, пользуясь малозаметностью своих судов, подкрадываются поближе, со стороны солнца, а ночью берут на абордаж. Если же в открытом море враг замечает суда казаков, то они разлетаются в разные стороны, отрываются за счет большей скорости, чем у галер, а потом устраивают атаку сначала веремией – поочередными наскоками чаек, а потом, когда неприятель запутывается, откуда ждать нападения, штурмуют галеру одновременно несколькими чайками. С парусными судами, борта которых слишком высоки для нападающих казаков, да и скорость больше при хорошем ветре, стараются не связываться, больше урону, но их у османов немного, большинство кораблей галеры.

Вскоре после обеда меня призвал кошевой, расспросил, как я обустроился на судне, а потом велел перейти со своими мешками к нему, в атаманский отсек, перед мачтой, будет у него со мной долгий разговор, да и дело другое для меня, а не веслом махать. Вернулся к прежнему месту, объяснил дядьке веление атамана, поблагодарил за участие ко мне, забрал свои мешки из ларя и с добрым напутствием от ветерана перешел в атаманский закуток. Он собственно особо не отличается от остальной части судна, если не считать подобие стола перед лавкой и рундук под ней для ценных принадлежностей. Напротив скамейка для гостей, на ней с позволения атамана присаживаюсь, кладу мешки в такой же ларь, как и прежний, под ногами.

Сирко сразу разъяснил мои обязанности в походе как личного порученца, постоянно находиться при нем, при нужде буду помогать сечевским лекарям, они на каждом судне,

на атаманской тоже, позже кошевой познакомит нас. Также буду учиться некоторым воинским премудростям, которые известны каждому казаку, а для меня в новинку. Кроме того, кошевой займется со мной особыми уроками по тем навыкам, которые с моим даром помогут казакам в походе. Конечно, мои способности пока еще в зачаточном состоянии, но и они могут быть кстати. Как только кошевой закончил вступительную речь, я тут же, не медля заверил в полном согласии постигать его науку, исполнять все задания с должным рвением. Не откладывая в долгий ящик, Сирко дал первый урок по морской навигации, показал карту прибрежных районов, велел выучить все поселения, крепости, реки и другие объекты от Днепровского лимана до Варны.

Внимательно рассматриваю карту, она рукописная, на латинице, кошевой назвал ее портоланом. Карта подробная, очертания моря, островов и побережья узнаваемые. Некоторые названия написаны свежими чернилами, по-видимому, дополнили недавно. Изображение более-менее четкое, можно различить без особых трудностей, напрягаю внимание и память, прохожу по-детально весь заданный район. Закрываю глаза, пытаюсь воспроизвести ее мысленно, в своем воображении. Что-то всплывает, но больше остается белым пятном. Открываю глаза, вновь изучаю карту, и так несколько раз, пока не создается цельная картина всего побережья, прихватил заодно Крым с Азовским морем.

Через пару часов возвращаю карту кошевому, на его вопрос, все ли запомнил, ответил утвердительно. Атаман решил проверить, стал задавать вопросы по различным объектам на карте, я почти сразу давал ответ, и так минут десять, Сирко даже увлекся, вопросы сыпались один за другим. После такого экзамена, вымотавшего нас обоих, он сдался, похвалил меня за выполненное задание. Я сам поразился своей памятью, раньше особо ею не отличался, по-видимому сказались мои занятия с психоэнергетикой, стимулировавшие в том числе интеллектуальные способности. Надо как-нибудь на досуге удостовериться в этом предположении, подобный прогресс будет кстати в последующих упражнениях, которыми собираюсь заниматься и в походе.

После первого урока кошевой познакомил меня с лекарем на судне, Яковом Самойловичем Пашко, лет пятидесяти, невысоким и кряжистым казаком, все еще состоящим в товариществе. Легче представить его с саблей и самопалом, штурмующим галеру османов, чем мирным лекарем, пользующим страждущих. Как выяснил позже, он, несмотря на свой уже довольно почтенный возраст, в атаках не отстает от молодых сотоварищей ни на корабле, ни на коне, боевой дух с годами не пропал. В перерывах между походами лекарит в Петровской слободе, неподалеку от Сечи. Здесь у него семья, взрослые дети, двое сыновей сейчас в нашем походном войске, только на других чайках. Талантами характерника не обладает, да таких одаренных среди лекарей считанные единицы, пользуется народными средствами при ранениях и болезнях, опыт у него преизрядный.

После знакомства мы перешли в закуток лекаря, тоже с двумя лавками, одна из них для больных, пока пустует. Присели напротив друг друга, Яков Самойлович стал расспрашивать о моих умениях в лечении, какими средствами пользуюсь, а также могу ли я лечить особыми способностями характерника. О моем наставнике высказался превосходными словами, творит чудеса, может с того света вернуть и вылечить безнадежных пострадавших, которым не могут помочь обычные лекари, включая самого Якова Самойловича. Если у меня будет даже малая толика таланта старого характерника, то и она может спасти нуждающихся в особом лечении. Отчасти разочаровал лекаря своим ответом, что пока нет, только учусь, но в скором будущем возможно, так сказал учитель. Показал из лекарского мешка снадобья, казак-медик внимательно их изучил, задал вопросы, на которые я в меру своего разумения постарался ответить.

Под вечер пристали к левому берегу ниже зимовника (хутора) рыбаков. Казаки на носу и корме стравили на дно два якоря, другие перебросили на сушу сходни. На берег сошли

почти все казаки, намаялись за день плавания в тесном судне, где лишний раз не встанешь со своей лавки, чтобы не помешать другим, только по нужде. После того, как немного размялись, стали собирать сухие плавники, камыш для костра, кашевары пристроились готовить на ужин кулеш и саломеху из обычного походного рациона – сухарей, копченого мяса, вареного пшена, ячменной муки. Кто-то из казаков принялся ловить рыбу вершами и сетью, я тоже решил присоединиться к ним. Уговорил лекаря и вместе его сетью выловили за полчаса два десятка карпов и тараней, несколько окуней. Часть рыбы почистил для ухи, поставил вариться в котелке, другую пожарил на костре.

Окуней только выпотрошил, посолил, добавил мятных трав, прямо с чешуей завернул в листья лопуха и закопал в горячие угли, сверху разжег небольшой костер. Готовится в собственном «соку», мое фирменное блюдо, увидел на каникулах, как старый рыбак подобным образом пек сазанов. Позже сам не раз готовил печеную рыбу, моим родным пришлось по вкусу, после каждой рыбалки баловал их. Подождал, пока окуни пропеклись, раскопал из углей, угостил горячим, с пылу-жару, деликатесом атамана, лекаря и дядьку Максима. Они сначала с опаской развернули лист с отставшей чешуей, осторожно попробовали, а потом с видимым мне удовольствием поели тающую во рту нежную и сочную мякоть рыбы. После похвал заказали на следующей ночевке повторить понравившееся им угощение, а кошевой велел научить кашеваров готовить его.

Ночью спал, как и другие казаки, на берегу на голой земле, завернувшись в кобеняку. Под утро немного продрог, согрелся у костра, разведенным дежурным казаком, попил горячего узвара, позавтракал оставшейся со вчерашнего ужина ухой. После, когда весь флот чаек отплыл на веслах от берега и продолжил путь к низовьям, приступили с кошевым к новым занятиям, на сей раз он поведал о воинской тактике казаков в морских боях, при штурме крепостей, применяемых ими хитростях и уловках, показал, насколько это возможно в стесненных условиях судна, некоторые приемы владения оружием как в открытом бою, так и при abordage вражеской галеры. Но и при этом еще раз напомнил, что во время боя я должен быть неотлучно рядом с ним, поперед батьки в пекло не лез, хватит на мой век ратных подвигов.

Затем перешли к специальным упражнениям, Сирко проверил мои способности по видению энергетического поля, остался ими доволен. Потом объяснил как можно управлять им, концентрировать в нужной точке, применять в особых ситуациях. На моих глазах продемонстрировал подобное оперирование энергией, собрал ее в сгусток на кончике указательного пальца, а потом направил на щепку, та вначале задымила, а потом загорелась ярким пламенем. Вот это да, настоящий пирокинез! Я считал его мистикой и выдумкой всяких околонуучных парапсихологов и экстрасенсов, запудривающих наше воображение своими фокусами. А здесь вижу воочию его в действии, даже потрогал горящую щепку. Обжегся, но убедился в реальности этого феномена. Всем рассказам и легендам о характерниках я верил отчасти, в чем то меня убедил наставник, но все же в большей мере испытывал сомнения в их правдивости. Вот теперь одним из них стало меньше, думаю, надо самому освоить такую способность.

Получив от кошевого задание поработать с концентрацией энергии, почти весь день бился над этой задачей, с перерывом на обед и другие нужды. Разбивал на промежуточные этапы, дробил их еще на микростадии, но безуспешно, ни один лучик в видимом поле даже не пошевелился. К концу дня просто вымотался от психического и эмоционального напряжения, как будто все это время греб веслами. Нет, думаю, надо приостановиться в своих потугах, осмыслить, что же я делаю не так. Уверен, у меня получится, нужно только понять природу влияния на свое энергетическое поле, что происходит с ним под волевым или подсознательным воздействием. Стоп, а ведь именно подсознательный уровень мною не исполь-

зовался, шел чисто логическим путем, целенаправленными мыслительными усилиями. Все, на сегодня хватит, утром обдумаю, на свежую голову.

Тем временем пришла пора второй ночевки, по указу атамана сотник на нашей чайке дал команду приставать к берегу, за нами и другие корабли, началась знакомая мне суматоха с причаливанием и высадкой на берег. Не теряя времени, Яков Самойлович приготовил сеть и позвал меня на лов рыбы, за ним и дядька Максим с молодым казаком тоже собрал свой невод, разохотились наши ветераны на печеную рыбку. Наловили уйму, пудов десять, вместе принялись потрошить, тут еще подошли кашеваря с других судок. Даже образовалось столпотворение из них, каждый старался подойти поближе, пока наш сотник не навел порядок, оставил десятерых, остальных отправил к своим командам.

Я принялся заправлять выпотрошенную рыбу пряностями и травкой, базиликом и тимьяном, собранным тут же, на берегу, они перебивают запах тины и придают мятный вкус, завернул, как прежде, в листья лопухов. Все свои действия я громко объяснял, по ходу отвечал на вопросы, в нужное время извлек из углей готовую рыбу, которая тут же пошла нарасхват. Заложил в угли оставшуюся часть, уже спокойно поели ее с кашеварами-учениками, обсудили вкус и некоторые вопросы по заправке и печению, пока не пришли заждавшиеся своих поваров казаки. Урок получился полезным и приятным, как высказались, уходя, мои практиканты, довольные новым приобретением в своем меню.

Наутро, после отправления флота в путь, продолжил свои эксперименты с психоэнергетикой, проверил некоторые идеи, пришедшие на ум перед сном. И вот, когда я в очередной раз вошел в транс, отвлекся от всех мыслей, просто пожелал оторваться от земли и взлететь, почувствовал необычайную легкость, как во сне, оторвался от лавки и вспарил. От неожиданного ощущения растерялся, настрой сбился, чувствительно упал определенным местом на сиденье. Сижку ошалело, не веря происшедшему, напротив атаман тоже вытаращил на меня глаза, даже трубка выпала из его губ. Целую минуту между нами стояла тишина, пока атаман не пришел в себя, сняв шапку и поглаживая озадаченно свой чуб, не проговорил: Ну, джура, ну, юнак, огорошил ты меня! Вознесся, аки ангел, в небеса! Так и улетел бы, ищи-свищи тебя!

Да, сам такого эффекта, левитации, не ожидал, надо аккуратнее быть со своими желаниями, так можно угодить в какой-нибудь переплет! Но все же доволен, у меня получилось, пусть и не совсем то, чего хотел. Надо обязательно продолжить свои опыты, конечно, с некоторыми предосторожностями. Отвечаю Сирко: Вот, Иван Дмитриевич, по Вашему заданию стараюсь, работаю с энергией.

– Да, вижу я, как ты работаешь, – озабоченно проговорил кошевой, – как же я мог тебе задать то, что сам не могу! Да, с тобой надо держать ухо востро, что ты еще натворишь – уму не постижимо. Решим так, если надумаешь еще что-то учудить, то непременно скажи мне, а я присмотрю, от худа предостерегу. Понятно, джура?

Согласно киваю головой, а потом продолжаю: Хорошо, Иван Дмитриевич, обязательно расскажу. Хочу продолжить опыт с энергией, как Вы показали, если получится, то попробовать зажечь огонек.

Так и быть, пробуй, – согласился кошевой, – но полегонечко, а то у тебя сила немеренная, можешь и кораблик сжечь!

Опять согласно киваю и приступаю к упражнению. Обдумываю происшедшее событие, мое предположение о подсознательном характере воздействий подтвердилось, теперь надо научиться вызывать такое состояние и способности уже осмысленно, по своей воле. Вновь вхожу в транс, стараюсь почувствовать концентрацию энергии в определенной точке, после нескольких попыток стало что-то подобное происходить. Открыл глаза, взял в одну руку тоненькую щепочку, палец другой руки направил на нее, внутренне напрягся, представ-

ляю, как жар идет от пальца. Проходит минута-другая, результата нет. Опять ухожу в транс и уже в нем повторяю опыт – щепка мгновенно сгорает, у меня получилось!

– Ладно, – подытоживает Сирко, – справился, молодец. Вот тебе еще задание, смотри за мной.

Смотрю в оба глаза, пытаюсь догадаться, что он надумал. Минуту ничего не происходило, а потом он внезапно исчез, закрываю глаза, вновь открываю – нет его! И только когда подключил видение поля, заметил зыбкую тень на месте, где сидел атаман. Еще через минуту он появился воочию, сидит на своем месте, смотрит на меня и улыбается. А после проговорил: Понял, что я сделал?

Недоуменно пожимаю плечами, отвечаю: Нет. Только в видении на Вашем месте тень.

– Это я навел морок, – объяснил кошевой, – обычный человек ничего не увидит, только то, что я покажу – рощу или густую траву с крапивой, куда он не полезет, проедет мимо. Надо знать заговор, с ним задумать то, что хочешь показать, самому поверить в оморочку и она сама придет. Можно еще помутить разум омороченного, он будет делать то, что ты хочешь, зачаровать или запутать ему дорогу. А теперь слушай внимательно и запоминай.

Он принялся шептать мне на ухо свой заговор:

«Напади на тебя сон да морок,

ни по одиночке, а все сорок!!!

Глаза твои отвожу,

сознание твоё путаю,

в чёрную паутину кутаю!!!

Как мухи да комары к паутине

крепенько прилипают,

так мои слова-дела-взгляды

твою волю усыпляют!!!

Спи твой ум, разум твой засыпай.

Как земля впитывает воду,

так и ты мою волю исполняй!

Навались на тебя морока

с каждой стороны и с любого бока!

Пропади, ясный разум твой, на один час земной!

Путаю, кутаю, кручу,

делай так, как я хочу!!!

На очи твои – слепота,

на руки-ноги твои – онемение,

на волю твою – моё любое повеление!!!

Как на лик твой подую,

так сразу тебя и расколдую!

Братья-черти, путы мои накиньте, набросьте, наложите,

его волю моей воле подчините!

Очи твои в тумане, а ум-разум твой – в дурмане!!!

Очи твои в тумане, а ум-разум твой – в дурмане!!!

Очи твои в тумане, а ум-разум твой – в дурмане!!!

Гой».

Понимаю, что это набор слов, можно выговаривать любые, главное, что ты сам вкладываешь в них, но все равно становится жутко, сплошная чертовщина и негатив. Да, добрым словом всю эту галиматью не назовешь, но похоже, сам Сирко верит в силу заговора. В успокоение атамана старательно запоминаю весь текст, даже интонацию, с которой произносит, после по его требованию повторяю слово в слово. По уже изученному методу представ-

ляю необходимое действие в энергетическом поле, перевожу на подсознательный уровень, направляю свой посыл без всякого заговора на кошевого, расслаблено выкуривашего свою трубку, жду, когда он обратит на меня внимание. Подчиняясь моей команде, он поворачивается ко мне, ищет, озирается вокруг, через минуту снимаю свой морок, Сирко видит меня. Он опять пораженно восклицает: Ну, джура, ну удалец, на лету что вытворяет! Не успел трубку выкурить, а он уже морочит, меня обвел, заставил поверить!

Тем временем наш флот приблизился к крепостям крымских татар – Ислам-Кермен и Газы-Кермен, стоящим по обе стороны Днепра перед самым его устьем, а также еще одной крепостью между ними – Джан-Кермен на острове Тавань. Здесь через весь Днепр протянуты цепи, перекрывая запорожским чайкам путь к морю, только оставлены неширокие ворота возле острова для прохода своих судов, но и они остаются под контролем крепостной артиллерии. Казаки не один раз осаживали эти крепости, разрушали, враг вновь восстанавливал, используя их как против флота запорожцев, так и как плацдарм для своих набегов на Русь и Речь Посполитую. Такие сведения мне сообщил сам кошевой после того, как по его указанию весь флот пристал к правому берегу в километрах пяти выше татарских крепостей.

Интересно, как собираются казаки пройти этот заслон, наверное, у них есть какие-то способы, проверенные за многие годы противоборства с османами и татарами. Вскоре увидел своими глазами приготовления к штурму, часть казаков с топорами поднялась на высокий берег, принялась рубить деревья в небольшой роще, другие стали перетаскивать и загружать их на корабли, привязывать к комлю тяжелые камни. До самой темноты простояли у берега, костры не разжигали, поели холодную саламаху с копченостями. Наступившая ночь не особо порадовала казаков, редкие облака почти не закрывали месяц, благо хоть, что сейчас новолуние. По негромкой команде старшин и сотников отчалили от берега, вышли на середину реки и направились к татарским крепостям. Где-то за пару километров до них встали на якоря, спустили на воду часть приготовленных бревен и они поплыли по течению с приподнятой над водой верхушкой.

Минут через пятнадцать услышали канонаду береговой артиллерии, по-видимому, наши бревна дошли до цепи и хорошо там нашумели, их в темноте можно принять за мачты наших чаек, вот татарские канониры и открыли огонь. Минут через десять залпы стихли, по команде старших сбросили следующую партию бревен, дождались новой стрельбы пушек, подбросили еще дровишек для артиллерийского огня. Так продолжалось около двух часов, пока на очередной сброс не дождались ответа татар, после по команде кошевого подняли якоря, казаки сели за весла и наш корабль стремительно понесся вниз, за нами точно вслед тронулась соседняя чайка, за нею другие. Стоящий на носу атаман сам давал команду рулевому, направляя судно в видимую только ему точку. Минут через пять, прошедших в тревожном ожидании, у меня от волнения даже колени задрожали, увидели в лунном свете очертания крепостей, потом едва заметную провисающую цепь и створ ворот.

При нашем приближении со стен укреплений раздались крики охраны, затем суматошные залпы из мушкетов. Вражеская артиллерия молчала, по-видимому, израсходовала на бревна весь боеприпас. Мы не отвечали, да и бесполезно, расстояние слишком большое, враги это тоже поняли, прекратили стрельбу. Почти в полной тишине как тени проскочили через ворота, сопровождаемые криками стражи на стенах, очевидно, что не приветственными. Через пару километров убрали весла, пошли по течению, не хватало напоротья в темноте на свои бревна. Так дошли до устья, здесь река разветвляется на несколько протоков, вошли в один из них и пристали к заросшему камышом острову на ночевку. Первое препятствие на нашем пути прошли успешно, без какого-либо урона кораблям и людских потерь.

Я только сейчас смог расслабиться после нервного напряжения последних часов, да и у других казаков, судя по взбудораженному состоянию, громким разговорам и смеху, тоже хватило беспокойств в этом переходе. Хотя считается, что шальным запорожцам сам черт

не страшен, но жизнь мила каждому, радуются обошедшей стороной напастью. Спать легли не скоро, сидели у костра и вспоминали подробности хитроумной, хорошо продуманной, но все же рискованной операции, в любой момент что-то могло пойти не так. Татары тоже хитростью не обделены, способы устроить засаду, заманив казаков кажущейся доступностью прохода. Но о возможных страхах не говорили, смеялись над бессильной злобой оставшихся на стене супостатов, бесплодной тратой зарядов ихними канонирами на наши бревна.

Наутро встали поздно, отсыпались после бессонной ночи, поели наскоро приготовленную кашу и отправились дальше по выбранной протоке. В устье Днепр разливается в ширину на несколько километров, в пойме многочисленные плавни – заросшие камышом и осокой плавучие островки, найти здесь нужную дорожку непростая задача. Но видно, что казакам эти места хорошо знакомы, уверенно идут проторенными путями. На ночь пристали к большому острову, опять наловили рыбы, я с помощниками принялся готовить полюбившийся товариществу печенный деликатес, так же поступили и в командах других чаек, чьи повара освоили новый продукт. В следующий день предстоит выйти в лиман, там слишком вероятно встреча с вражеским флотом, вот казаки и решили потешить души напоследок, а уж вкусная пища немалая для них отрада.

Глава 4

Вышли на рассвете, гребли веслами, парус не стали поднимать, сняли и сложили вдоль борта мачту для скрытности. Уже через час пред нами предстало море, Днепровский лиман, его ровная поверхность слегка колебалась небольшими волнами. Вдали у горизонта виднелись мачты дрейфующих османских кораблей с опущенными парусами, судя по невысоким бортам, галер, их около десятка. Для нашего немалого флота противник не столь опасен, но все же смотрим на атамана, ждем его команды. Он не торопился с решением, долго всматривался в суда противника, окрестности, а потом высказал: Идем на прорыв, слева, с подветренной стороны, да и солнце будет слепить врага. Всем зарядить самопалы, гармашам свои гарматы. Без моего указа не стрелять, пойдем скрытно.

Голосом передали приказ на соседние корабли, а оттуда дальше на другие суда. Все казаки, я тоже, принялись заряжать свои фитильные ружья, почти у каждого их две, приготовили пороховницы и мешочки с пулями, канониры (их казаки называют гармашами, а пушки – гарматой) занялись орудиями. Минут через десять тронулись в путь, по большой дуге обходя османские корабли, наша чайка впереди, остальные за нами в кильватере. Гребли молча, барабанщик на носу задавал ритм голосом, так шли около часа, когда на вражеских судах заметили нас, бросились на перехват. Паруса они не стали поднимать, ветер им навстречу, идут, как и мы, на веслах. Скорость у наших чаек выше, но нам еще обходить, идти по кругу, а врагу наперерез почти вдвое меньший путь.

Началась гонка, мы уже южнее противника, но отклоняться дальше нельзя, выступающий слева мыс перекроет нам путь, остается только прорываться или принять бой. По-видимому, в этот день удача на нашей стороне, на опасном расстоянии, на вражеских судах даже открыли огонь из своих пушек, но мы успели проскочить, последняя чайка прошла почти перед самым носом османских галер, вышли из лимана напротив Очакова в открытое море. Враг преследовал нас еще долгое время, пока не отстал безнадежно, развернулся и отправился обратно, караулить наше возвращение и попытаться взять отместку за сегодняшнюю неудачу. Мы удалились еще на несколько километров и легли в дрейф, надо всем перевести дух после такого нервного приключения.

Проверили на судах ущерб от вражеского огня, обошлось малыми потерями, только на последней чайке вырвавшееся от близкого падения ядра весло крепко побило двоих казаков, один из них в беспмятстве. Лекаря на том судне нет, раненых перенесли к нам, Яков Самойлович немедленно принялся за их осмотр, я стою рядом, тоже приглядываюсь. С одним из пострадавших разобрались быстро, сильный ушиб груди, без перелома ребер. Лекарь обработал рану предложенным мною мазью старого характерника, плотно обмотал полотняным бинтом и отправил обратно на свое судно, через пару дней будет совсем здоров. Со вторым раненым обстояло намного серьезнее, по-видимому у него повреждение внутренних органов в брюшной полости, от сильной боли он потерял сознание и только стонал. Снаружи весь живот покрыл громадный синяк, лекарь смог только обработать заживляющей мазью, с внутренними повреждениями он бессилен, так и заявил мне. Остается только надеяться, что сильный организм выручит казака и он выживет, но никакой уверенности нет.

Я видел, как подобные раны лечил мой наставник, но сам ими не занимался, не было нужных способностей. Возможно, что после упражнений с Сирко у меня есть предпосылки к ним, но пытаться проверить на живом человеке без каких-либо навыков опасно, об этом меня предупреждал старый учитель. Но сейчас без необходимой помощи казак вероятнее всего умрет, надо решаться. Подошел к кошевому, объяснил ему состояние раненого, возможный исход, свои мысли о вмешательстве. Он подошел к больному, посмотрел на него, переговорил с лекарем, задумался, а потом сказал мне: Лечи его, Иван, как считаешь

нужным. Господь благоволит тебе, наделил огромными способностями, будем надеяться, не оставит и в этом деле.

После такого благословения принимаюсь за лечение, своим видением вглядываюсь в энергетическое поле раненого, вижу рваную структуру в районе селезенки и печени, пытаюсь, как делал наставник, зарастить их, восстановить начальную систему здорового организма. Вхожу в состоянии транса, на подсознательном уровне вхожу в резонанс с энергетическим полем казака и уже изнутри, этим полем, сращиваю разорванные нити. Вначале никак не получалось, нити выскальзывали из-под моего контроля, путались, не хотели срастаться. После долгих попыток прекращаю их, надо обдумать иной путь, выхожу из транса и чуть не падаю от слабости, меня поддержал кошевой.

– Ну, что, получается? – с надеждой спросил он, когда я присел на лавку и перевел дыхание после такого небольшого усилия.

– Не совсем, сейчас отдохну и продолжу, – отвечаю ему, – но надежда есть, должно получиться.

Пока набираюсь сил, обдумываю происшедшее, ищу причину неудачи, ведь у моего учителя подобная процедура проходила без таких трудностей. После сравнения моих действий и наставника приходят некоторые мысли, надо их проверить. Вновь подступаю к раненому и приступаю к новому сеансу, но с небольшими переменами. Накрываю своим полем очаг поражения, создаю стазис-зону, укладываю каждую ниточку на определенное место, она застывает. Притягиваю к ней другую, фиксирую мини-спайкой, они удерживаются и не распадаются. Принимаюсь за следующую пару оборванной нити и так потихонечку сращиваю весь поврежденный участок. Снимаю блокировку, поле не распадается, напротив, пытается само восстановить энергетический баланс, выравнять на месте нарушения. Помогаю своей энергией, реставрация ускоряется и через небольшое время все поле пациента светится ровным фоном.

Выхожу в обычное состояние, осматриваю подопечного, самочувствие его заметно улучшилось, он прекратил стонать, нет мук боли на его лице, да и отек на животе ослаб, стал светлее. Все, пока достаточно, дальше ему нужна будет только восстанавливающая терапия, думаю, опасности для жизни нет. Отхожу от больного, присаживаюсь на лавку, мне самому надо отдохнуть и подкрепиться. Достаяю из своего мешка кусок копченного сала и хлеба, с проснувшимся аппетитом заправляюсь ими. От усталости и нервного перенапряжения не чувствую особой радости от приобретенного умения, только удовлетворение от хорошо выполненного дела, того, что я спас жизнь человеку. Но у меня еще многое впереди, будут еще радости, как и огорчения, не всегда можно рассчитывать только на удачу, главное, что я могу и должен сделать многое, помочь другим в меру своих возможностей.

После непродолжительного отдыха отправились дальше на запад вдоль побережья, держа его на горизонте. По плану похода первым для штурма и разграбления выбран Аккерман (Белгород), небольшой город с крепостью в устье Днестра, на берегу Днестровского лимана. Его казаки брали приступом не раз, разоряли, разрушали крепость, но он вновь отстраивался и обживался из-за удобного расположения с прямым выходом в море. Город купеческий, портовый, через него идет обширный поток товаров с Востока в Европу, представляет соблазнительную цель для грабителей, при успешном захвате города и торговых судов в порту добыча обильная. Но и укреплен он достаточно, защищен крепостью с мощными каменными стенами, его форты нависают над входом в гавань, мимо не пройти. Зачастую нападающим остается довольствоваться грабежом селений в округе, сам город им не по зубам.

Добирались до Аккермана почти двое суток, большую часть пути на веслах, переменный ветер зачастую не давал возможность пользоваться парусом. В отличие от настоящих парусных кораблей, способных идти под различным направлением ветра, даже отча-

сти встречным, наш прямой парус допускал только попутный курс. Произошла перемена в моем статусе, после удачной операции с раненым казаком атаман тут же причислил меня к лекарскому составу, на мне будет лечение всех трудных раненых и больных. Перевел Якова Самойловича на другой корабль, а его отсек передал мне, посчитал, что держать двоих лекарей на одном судне будет излишне, когда на большинстве чаек их нет.

На следующий день вылеченный мною казак, он назвался Степаном Мазурко, уже встал на ноги, я осмотрел его, энергетика в порядке, внешний вид пострадавшего участка тоже не вызывает беспокойства, отек исчез, остался только небольшой синяк. Да и сам больной ни на что не жаловался, с некоторым смущением, все же перед ним юнец, но от души поблагодарил меня за спасение, пригласил при okazji на свой хутор в Самарской паланке (округ в Запорожье с укрепленным центром – слободой), встретит как дорогого гостя. Степану за тридцать, обзавелся семьей, но продолжает состоять в товариществе, ходит в походы не первый раз. С удовольствием принял приглашение, такая признательность от взрослого казака стоит многого, не так уж часто этот суровый народ открывает свою душу малознакомым.

Сирко продолжил со мной уроки как с обычными для казака умениями и навыками, так и по своим особым знаниям характерника. Он учил чувствовать окружение с завязанными глазами, ориентируясь на слух и интуицию, движению в особом потоке энергии, назвал это состояние «выхору», что-то подобное дзэну в восточных боевых искусствах или берсерка. Учил также чувствовать живой мир, птицу в небе или морских зверей, состоянию «хара», от него и произошло само слово характерник, просветление, подключение высшего уровня – духа. Сирко задал мне, что я должен научиться входить в это состояние в любой обстановке, на скаку, под водой или в бою с противником. Все время в пути занимался с показанной кошевым техникой, вносил свои методы ее достижения, что-то стало получаться, пока только в пробах, до реальной практики надо еще много работать.

Подождали к Аккерману с запада, сделав полукруг, заходящее солнце слепит дозорных, так им труднее заметить нас. Стали на границе видимости, кошевой долго присматривался к крепости, а потом созвал старшин на совет. Они совещались с полчаса, а после разошлись по своим судам готовиться к штурму. Когда стемнело, атаман велел всем набирать в чайку воду, будем ее затапливать. Плотно закрыли все лари и рундуки, смазали уключины жиром, обмотали самопалы и пушки полотном, а после принялись кожаными мешками набирать морскую воду, пока борта почти не сравнялись с ее уровнем. Связки просмоленного камыша удерживали судно в таком положении, не давая полностью затонуть, придавая также устойчивость от боковой качки.

Тихо вставили весла в уключины и направились в гавань медленным ходом, потяжелевшие чайки не позволяли увеличить скорость, да и надо соблюдать скрытность, грести бесшумно. Почти в полной тишине, незаметные на колышущейся поверхности моря, чайки прошли вход в гавань мимо выступающих башен форта, часть судов повернули к нему, остальные продолжили путь к порту. Обошли стороной стоящие у причала торговые суда, тихо высадились на берег и разошлись в стороны. Все выполнялось молча, без каких-либо команд, по-видимому, заранее все согласовали. Меня и еще одного казака постарше атаман оставил на чайке, будем охранять от нападения, но предупредил, без крайней нужды не стрелять. Мы стояли у бортов по пояс в воде с самопалами наготове, всматривались в темноту, ожидая с напряжением выстрелов и сигналов тревоги, но все вокруг было тихо.

Где-то через минут двадцать у выхода из порта в город раздались крики, а после выстрелы, еще через минуту с других сторон также поднялся шум, все больше разрастаясь. Мы с напарником могли только гадать, что же происходит в крепости, но очевидно, что нападающие проникли в нее, сражение идет на улицах города. Еще через час прибежали несколько казаков, нагрузились порохом в бочках, запасом пуль и умчались обратно.

На наши расспросы наскоро ответили, что бьют османов, идет горячий бой по всему городу. На рассвете вернулись первые наши товарищи, неся тюки с добычей, оставляли их на берегу под нашей охраной, уходили обратно, за ним другие, к обеду набралась целая гора трофеев. У меня непроизвольно возник вопрос, как же они вместятся в судно, да еще казаки собираются навестить еще и другие города, куда уж более!

Из рассказа радостно возбужденных казаков, вместе с нами сливавших воду из чайки, стала ясна картина штурма крепости и боя с упорно защищавшими город османами. Группы наших лучших бойцов бесшумно убрали посты у ворот крепости, на башнях и стенах, за ними проникли остальные казаки, потом, когда поднялась тревога, в открытой схватке перебороли разрозненные отряды янычар, пользуясь внезапностью нападения. Османы не смогли вовремя собраться для отпора, да и двукратный перевес нападавших в численности сказался на исходе сражения. Кроме крепости и города наши бойцы сумели тихо захватить все суда, стоящие у причалов, среди них две военных галеры и десяток купеческих флейт, шайки и галиотов. Суда в гавани спешно ретировались в море, когда в городе поднялся шум боя, разбудивший всех в порту. Казаки не стали преследовать их, и без них добыча предостаточная.

Не обошлось без потерь с нашей стороны, мне уже с рассвета пришлось заняться вместе с другими лекарями ранеными казаками прямо на берегу, постелив им дерюги на голую землю. Кому-то я смог помочь, но двое померли во время операции, слишком сложные повреждения важных органов, не хватило моих способностей и опыта. Никто не укорял меня, даже тех раненых, которых я спас, их семеро, наши лекари посчитали безнадежными. Вымотался страшно, особенно много сил ушло на попытку реанимации самых трудных пациентов. Наверное, мне надо перейти к предварительной фильтрации пострадавших, начинать с более легких, тогда большему количеству смогу помочь. Сейчас же я начал с самых сложных, почти не подававших признаков жизни, все равно не смог спасти, после них едва хватило моих возможностей на других, поставил и их жизнь под угрозой.

Разграбление города продолжалось до самой ночи, добро возами свозили в порт, загружали на захваченные османские суда, туда же рассадили освобожденных рабов из христиан. Греческие, венецианские, бухарские и другие суда из разных стран отпустили с миром, предварительно забрав самые ценные товары как откупные. Купцы особо и не противились, рады и тому, что сами живы, да и суда при них, недобрая слава о запорожских разбойниках держит в страхе все черноморское побережье, до самого Стамбула. Хорошо потрясли городских купцов, реквизировали из складов их богатство, да и всю знать обнесли крупным побором, под угрозой лишения жизни они сами сдали золото, серебро, драгоценные камни и украшения. Все казаки высказывались о богатом на редкость хабаре, далеко не в каждом походе имеют настоль обильную добычу. С жителями, миром сдавшим свое имущество, обошлись без крови, оказавших сопротивление убивали, но их семьи не вырезали.

На ночном совете атаман со старшинами решили поход не продолжать, но на обратном пути взять Очаков, по протокам около него выйти в Днепр, не заходя в лиман, где нас наверняка ожидает усиленный флот осман. О таком плане нам сообщили утром, все казаки дружно поддержали его. Вышли в путь во второй половине дня, наш флот увеличился на две османские галеры и три купеческих галиота. Их экипажи, кроме галерных рабов, казаки перерезали сразу после захвата судов, в плен не стали брать. Вместо них перевели часть казаков, сведующих в морской навигации и управлении парусами, а также бывших рабов, среди них оказались моряки, и галерные гребцы. Сняли с них оковы, дали им со свободой нормальное питание и условия проживания. Сам кошевой обосновался на одной из военных галер, прихватил и меня, выделил мне под лекарскую большой кубрик с шестью нарами. Я расположился здесь вольготно, занял две лавки, одну для отдыха и сна, на другой принимал пациентов, остальные нары пустил на лазарет, для лежачих больных.

Заметил в себе какую-то раздвоенность, наложение мировоззрений меня прошлого, из цивилизованного 21 века, и нынешнего, живущего в реальных условиях все еже жестокого, даже жестокого к слабым народам и людям мира, где правит грубая сила и коварство. Жизнь мирного человека, особенно из неимущего, тем более подневольного сословия, мало чего стоит, убийство зачастую оказывается безнаказанным, а ограбить, отнять имущество и вовсе считается естественным. Казаки – порождение своего времени, только у них все чувства и действия особо выражены, доведены до крайней меры. Жестокость и коварство, воинское мастерство и жесткая дисциплина, честь и доблесть – все в них перемешано, судить их строго, как было вначале, после попадания в этот мир, уже не могу. Я поневоле, общаясь с казаками, пропитался их духом и моралью, стал как-то понимать их натуру, интересы и желания, но в то же время прежние ценности не потеряли для меня смысл.

На обратный путь до Очакова времени ушло больше, только к концу третьего дня под самый вечер мы подошли к этой османской крепости, запирающей выход из Днепро-Бугского лимана. Чайки остались за границей прямой видимости, а обе галеры и два галиота с османскими флагами на мачтах направились в гавань, нисколько не скрываясь от внимательно следящих за морем дозорных на башнях. Наши казаки, находящиеся на палубе под видом надсмотрщиков, переоделись в османские одежды, громко кричали на «рабов», которыми были также казаки, замахивались кнутами на «нерадивых». Не вызвав подозрений, суда прошли к порту, встали у причала на свободном месте. К ним направились в сопровождении охраны портовые чиновники-мытыри, собирающие пошлину с купцов.

Еще в пути на последней стоянке перед Очаковым большая часть казаков перешла на захваченные османские суда, освобожденных рабов перевели на один из галиотов. На чайках осталась небольшие команды, к ним в помощь отправили гребцов с галер, согласившихся принять участие в штурме крепости. По плану наших командиров штурмовой отряд на трюфейных судах должен проникнуть в порт, захватить его, а затем крепостные ворота и артиллерийские башни, удерживать до подхода остальных наших сил на чайках. Задача важная и трудная, гарнизон крепости побольше, чем в Аккермане, артиллерии также больше, кроме того, неподалеку, у входа в Днепровский лиман, дежурит крупный османский флот, который скоро может прийти на помощь обороняющимся. Захват надо проводить четко и согласовано, неудача или промедление могут привести к окружению казаков, блокировке с моря, высадившиеся с галер янычары довершат разгром нашего войска.

Подошедшие к нашим судам таможенники заподозрили что-то неладное, остановились, тут же, немедля, встречающие их у трапа «надсмотрщики» набросились с саблями на них, через несколько секунд покончили с османами. По их негромкому свисту с палубы кораблей посыпались казаки, разбегаясь по порту и не мешая друг другу, каждый знал свой маршрут. Часть направилась к стоящим у причала судам, другие к орудийным башням, самая большая группа помчалась к крепостным воротам. Успели вовремя, стража у ворот заметила бегущих к ним казаков, стала в спешке затворять, расталкивая замешкавшихся в проходе людей. Правда, нам немного помогла подвода, проходившая в это время через ворота. Пока ее проталкивали внутрь, подоспели наши бойцы, сходу заскакивали на арбу, а оттуда на стражников. Разгорелся бой, подтягивались воины с обеих сторон, вскоре схватки перешли по ту сторону ворот.

Подобные сражения произошли и в орудийных башнях, казаки заняли проходы, а затем стали вытеснять охрану вверх, до самой артиллерийской площадки, здесь в коротком и отчаянном бою сломали сопротивление янычар и пушечной прислуги. Подали условленный сигнал дымом на чайки, по нему наши суда должны самым быстрым ходом идти в порт на выручку штурмовому отряду. Казаки, знакомые с артиллерией, вместе с подручными принялись осваивать и готовить орудия против османского флота из Днепровского лимана в ожидании скорого его прибытия. В артиллерийском бою подмогой им станут и пушки

на военных кораблях, в порту их несколько, кроме наших двух галер еще столько же стоят у причала. Штурмовые группы уже захватили их, как и другие суда на причале, готовятся к бою с османскими галерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.